

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.21>

Гилемшин Флер Фоатович

ЦЕННОСТНЫЕ КАТЕГОРИИ В ТАТАРСКОМ ПЕРЕВОДЕ СКАЗОК "ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ"

Данная статья посвящена анализу лексики татарского перевода сборника сказок "Тысяча и одна ночь". В аспекте аксиологии в статье раскрываются шесть из десяти выделенных учеными конвенциональных ценностей и антиценностей, анализируется лексика, выражающая интеллектуально-когнитивные, витальные, гедонистические, нравственно-этические, эмоционально-утилитарные и материально-утилитарные ценности и антиценности. Особое значение уделяется ценности "ум, разум"; диаде "радость - горе", семантически связанной с добром и злом, а также диаде "правда - ложь" как незначительным явлениям, встречающимся в сказках редко и выраженным в эксплицитной форме.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/11-2/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(89). Ч. 2. С. 313-317. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. **Веретенкина Л. Ю.** Языковое выражение межличностных манипуляций в драматургии А. Н. Островского: автореф. дисс. ... к. филол. н. Пенза, 2004. 22 с.
5. **Голубева Т. М.** Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе: на материале американского варианта английского языка: дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2009. 174 с.
6. **Гронская Н. Э.** Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием // Вестник Нижегородского государственного университета. 2005. Вып. 1. С. 220-231.
7. **Демина М. А.** Просодические средства воздействия в речи дикторов информационных программ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2013. № 661. С. 41-50.
8. **Доценко Е. Л.** Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо; Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
9. **Дроздова Д. Р.** Вербальные способы реализации манипулятивных стратегий в академическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (53). Ч. 3. С. 95-99.
10. **Копнина Г. А.** Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2008. 173 с.
11. **Ленец А. В.** Прагматика лжи. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. 284 с.
12. **Сафина А. В., Газизов Р. А.** К вопросу о признаках речевой манипуляции и средствах ее выражения // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 3. С. 1027-1030.
13. **Nellys Abenteuer (Приключения Нэлли)** [Электронный ресурс]: художественный фильм / реж. Д. Вессели. Германия: Студия "INDI Film", 2016. URL: <https://www.justwatch.com/de/Film/Nellys-Abenteuer> (дата обращения: 20.06.2018).
14. **Nicht mein Tag (Факат, или Хуже не бывает)** [Электронный ресурс]: художественный фильм / реж. П. Торварт. Германия: Студия "UCI Kino", 2014. URL: http://kinox.sg/Stream/Nicht_mein_Tag.html (дата обращения: 10.06.2018).
15. **Sommerfest (Летний праздник)** [Электронный ресурс]: художественный фильм / реж. З. Вортманн. Германия: Студия "Warner Bros", 2017. URL: <https://www.justwatch.com/de/Film/Sommerfest/> (дата обращения: 15.08.2018).
16. **Vier gegen die Bank (Четверо против банка)** [Электронный ресурс]: художественный фильм / реж. В. Петерсен. Германия: Студия "Warner Bros", 2016. URL: <https://www.kino.de/film/vier-gegen-die-bank-2016/> (дата обращения: 12.06.2018).

**LINGUISTIC MANIPULATION PECULIARITIES IN THE GERMANS' COMMUNICATIVE BEHAVIOUR
(BY THE MATERIAL OF THE MODERN GERMAN CINEMATOGRAPH)**

Gazizov Rafael' Arkad'evich, Doctor in Philology, Associate Professor

Safina Arina Valer'evna

Bashkir State University, Ufa

fund-lingua@rambler.ru; arinadeutsch@gmail.com

The article examines the phenomenon of linguistic manipulation in the modern scientific world, identifies the certain features characterizing linguistic manipulation in the Germans' interpersonal communication. Relying on the peculiarities of the communicative behaviour of the German linguo-cultural community the authors try to identify the communicative means of expressing manipulation in the German linguo-culture. In general, the paper analyses three language levels: grammatical, lexical and phonetic. The German comedy movies of 2017-2018 served as the research material.

Key words and phrases: linguistic manipulation; communicative behaviour; manipulative act; grammatical level; lexical level; phonetic level.

УДК 811

Дата поступления рукописи: 22.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.21>

Данная статья посвящена анализу лексики татарского перевода сборника сказок «Тысяча и одна ночь». В аспекте аксиологии в статье раскрываются шесть из десяти выделенных учеными конвенциональных ценностей и антиценностей, анализируется лексика, выражающая интеллектуально-когнитивные, витальные, гедонистические, нравственно-этические, эмоционально-утилитарные и материально-утилитарные ценности и антиценности. Особое значение уделяется ценности «ум, разум»; диаде «радость – горе», семантически связанной с добром и злом, а также диаде «правда – ложь» как незначительным явлениям, встречающимся в сказках редко и выраженным в эксплицитной форме.

Ключевые слова и фразы: ценность; антиценность; аксиология; ценностная категория; арабо-персидские заимствования; троп.

Гилемшин Флер Фоатович, к. филол. н., доцент

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань

Fler.Gilemshin@yandex.ru

**ЦЕННОСТНЫЕ КАТЕГОРИИ
В ТАТАРСКОМ ПЕРЕВОДЕ СКАЗОК «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»**

Разные культуры своеобразно отражают ценности, а это, в свою очередь, влияет на систему их представлений о мире, социальную организацию и семантическое воплощение тех или иных элементов в структуре речи. В этой связи можно сказать, что обозначения ценностных категорий обеспечивают как норму культуры речевого общения в данной языковой общности, так и различные отклонения от нее.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью определения, какие ценности и антиценности волнуют или волновали социум, которому посвящены арабские сказки «Тысяча и одна ночь», и как они нашли отражение в его татарском переводе.

Впервые оригинальный текст и его перевод анализируются с аксиологической точки зрения, определяя выражение ценностных и антиценностных категорий, что является новизной данного исследования.

Целью нашей статьи является аксиологический анализ лексического состава татарского перевода всемирно известного сборника сказок «Тысяча и одна ночь».

При анализе лексики и фразеологии с точки зрения аксиологии ученые выделяют десять основных видов конвенциональных ценностей и антиценностей [2, с. 5]. Остановимся на наиболее важных в системе восточных ценностных категорий. Ими являются интеллектуально-когнитивные ценности – это разум, ум, знания, познание, пронизательность, сообразительность; по отношению к ним интеллектуально-когнитивной антиценностью выступает глупость. В рассматриваемом нами тексте этот фактор также прослеживается.

Лексема ғақл (акыл) в современном татарском литературном языке имеет значения «ум, разум, рассудок; мысль, идея» [7, с. 27]. В текстах татарского перевода сказок «Тысяча и одна ночь» зафиксирована однокоренная лексема җақыллы (җақыл «ум, разум, рассудок» + аффикс обладания -лы), реализованная как проявление умственных способностей человека и результат обладания знаниями: “balany däşeb äjtde sin җақыллы bala ikänseñ” [11, с. 22] – «пригласил ребенка и сказал: “ты, оказывается, умный ребенок”» (здесь и далее перевод автора статьи. – Ф. Г.); “äj җақыллы wäzir, sez ğänäbeñezdän ütenäbez” [9, с. 9] – «о, умный визирь, мы просим вас...», “җақыллы kemsä eñneñ ахугун ujlamyj qylsa хäjer күrmäs” [10, с. 144] – «если умный человек совершит необдуманый поступок, то добра не увидит»; “bu eñ җақыллы adäm eñe tügel” [8, с. 11] – «это не поступок умного человека».

Таким образом, в данном произведении ум и уровень интеллектуальных способностей выступают самым важным в оценке человека, будь он падишахом, визирем или ребенком. Как сама структура служит восхвалению ума человека, так и практически каждая сказка или рассказ указывают на эту идею.

Для передачи антиценностей активно используются различные формы и термины, в том числе и арабские заимствования: при помощи лексемы җақылсыз «глупый; неумный»: “maturlyууна җаşyjq bulyb җақылсыз qaldym” [Там же, с. 147] – «я, влюбившись в её красоту, потерял разум»; при помощи лексики со значением отрицания: “җақыл жуқ и җақыл betkän: bezneñ хуğамузның җақыл жуқтыр” [Там же, с. 11] – «нашему хозяину ума не хватает». И в этом случае антиценность используется для подтверждения важности ценности.

В том же значении используется арабская глагольная конструкция läjuqal «не разумно» [1, с. 529] – «непонятный, уму непостижимый» [4, т. 1, б. 236]: “şarab eñeb isereb läjuqal bulyb аjnумак öçen nunçaға баруға öjennän çууыб” [8, с. 131] – «опьянев и потеряв разум от выпитого вина, он вышел из дома и, чтобы отрезветь, направился к бане».

Вместе с тем антиценность «потеря разума» используется и в метафорическом значении: “Gali Nuretdin iserek bulyb җақыл betkänlekdän satdym dide” [11, с. 197] – «Гали Нуретдин из-за состояния опьянения, потеряв разум, подтвердил, что продал...»; “җақыл баşындан kid-/çуу-: ämma Gali Marjamny күrgäç җақыл баşындан kideb...” [Там же, с. 201] – «однако, увидев Марьям, Али потерял разум...»; “җујşуқлыуындан җақыл баşындан çууыб” [9, с. 74] – «из-за влюбленности он потерял разум»; “şatlanуындан җақыл баşындан kideb...” [11, с. 201] – «от радости потеряв разум...»; “şahzadäneñ җақыл баşындан çууыб, qurqyb atyna beneb torғanda” [8, с. 39] – «когда принц, с испуга потеряв разум, сел на лошадь...». Как видно из вышеприведенных примеров, герои теряют разум в различных ситуациях. Чаще всего это происходит от влюбленности и радости, иногда от испуга, а иногда от опьянения.

Выражение җақылн ғуј- используется для выражения понятия «мобилизоваться»: “kijek totqan qart җақылн ғујыб ғengä... didekdä” [Там же] – «старик, который пришел с диким зверем на руках, собрался с духом и сказал джину». Дословный перевод выражения звучит как «собраться с умом». В современном татарском языке в данной конструкции лексема җақыл «ум» заменена на köç «силу».

Для передачи понятия «ученый» в текстах перевода используется термин җалим: “bu zamannyң җалиме häm kamile sin” [10, с. 179] – «ты ученый и совершенный человек нашего времени». Интересен механизм использования понятия «ученый» рядом с термином «совершенный человек».

Интересен также вариант антиценности, когда используется заимствованное слово ğähil «глупец, невежда» [1, с. 146]: “bäyze waqyt ğähil kemsälär zararly süzdän näğät bulыр җалим qamil bulуан kemsälär bäyze waqyt şul süz belän hälaq bulыр” [8, с. 137] – «иногда глупцы спасаются от сквернословия, а умные люди погибают от него».

Применение в изучаемом нами тексте понятия «ученый» параллельно с «идеальным человеком» указывает, что первым обязательным условием приближения к идеалу является наличие ума, разума. Действительно, исследователи средневековой тюрко-татарской и арабо-персидской литератур подчеркивают, что проблема разума была основополагающей. По мнению Р. К. Ганиевой, философский трактат аль-Фараби (XII век) «О значении (слова) “разум”» («Маани аль – акл»), написанный в традициях Аристотеля, стал источником для поэтов Средневековья, которые в своих произведениях создавали «гимн во славу разума, его силе и мощи в изменении природы человека и улучшении основ бытия “на земле и небесах”» [3, с. 93].

Витальные ценности и антиценности связаны с жизнью и смертью, со здоровьем и болезнью человека. Жизнь любого существа начинается с его появления на свет. В текстах татарского перевода сказок «Тысяча и одна ночь» это явление передается при помощи лексемы туҗу-: “туҗууымда күзläremneñ ikeseдä sälamät ide” [8, с. 159] – «когда я родился, мои оба глаза были здоровыми».

В значении «оживать, ожить» используется глагол tere-, который также широко употребителен в современном татарском языке и имеет более широкий семантический спектр: 1) выздоравливать, выздороветь;

поправляться поправиться; 2) оживать, ожить [7, с. 330]: “sine kürgäç güjä jañadan döñjaya tereleb kildem” [10, с. 138] – «увидев тебя, я как будто заново ожил на этом свете»; “anyñ huş isennän ülek tereler ide” [9, с. 45] – «от его аромата покойник ожил бы».

Для передачи понятия «жил-был» употребляется сочетание в форме *war ide*: “qadim zamanda Rum ilendä yaskäre küb, xalqy baj, üze yadel Junan isemendä padişah war ide” [8, с. 31] – «жил-был в древние времена в Византии обладавший огромной армией и богатым народом справедливый царь по имени Юнан»; “ber munçaşy bar ide” [10, с. 145] – «жил-был некий банщик».

Как и в случае с лексемой «разум», для передачи антиценности активно используются различные термины как тюркского происхождения, так и заимствованные слова.

Лексема *ülder-/ülter-* употребляется в значении «убить, убивать, умерщвлять»: “kürşelär äjtdelär irenä bu xatynny üldermä, talaq qyl...” [Там же, с. 135] – «соседи сказали мужу: жену не убивай, разведись»; “juk jirgä bane ültermä dijüb nijaz äjläde” [8, с. 36] – «просил его: зря меня не убивай!».

В значении «умереть» предложена форма *ğan bir-*: “şah Junan altynçy käyazne ačqanda ah wah dijüb ğan birde” [Там же, с. 37] – «царь Юнан, открыв шестую страницу, немного постонал и умер».

В том же значении зафиксировано и заимствование *wafat* «кончина, смерть» [4, т. 1, б. 52]: “atamyz wafat itdekdä atamyznyñ malyn öç bärädär aralarumyzda şäriy şärif bojuğança täksim äjlädekdän soñra” [8, с. 19] – «после смерти нашего отца мы, три брата, по законам шариата разделили имущество отца».

Форма с арабским заимствованным словом *qatil id-* в сказках передает значение «убить, убивать»: “wäzirlärneñ bersenä küb hädijälär bireb şahzadäne qatil idärgä ütende” [10, с. 142] – «одарив одного из визирей подарками, попросил его убить царевича»; “bu jegetne qatil idär itsäm ber fajda kürmäm” [Там же, с. 169] – «если я убью этого парня, никакой пользы не извлеку». Эта форма сохранилась только в народных сказках, и, по нашему мнению, использование ее связано со стремлением стилизации под них.

Для передачи значения «погибнуть», как и в современном татарском языке, используется форма *hälak bul-/id-*: “şul säyat dijüb utqa janyb hälak buldy” [Там же, с. 139] – «в тот час джин погиб, сгорев в огне»; “bu bäladan xalas bulymyn, jäjsä xäsrätäm ilä hälaq bulymyn” [11, с. 142] – «или я избавлюсь от этой беды, или от горя погибну»; “ğarijä äjtde: bän üzemne hälak idäm” [10, с. 165] – «рабыня сказала: я покончу собой...».

Иногда причиной смерти является безответная любовь: “quzya yaşyjq bulyan jeget, bunyñ xäsrätendän xasta bulyb, axur wafat uldy” [Там же, с. 144] – «влюбленный парень от горя заболел, а позже и умер». Такая форма применения служит для утверждения силы любви и становится метафорой.

Арабское заимствование *täläf*, которое неизвестно современному татарскому читателю, также используется в значении «гибель, смерть» [4, т. 2, б. 577]: “küb adämnär täläfenä ber tamçy bal säbäb buldy” [10, с. 140] – «капля меда стала причиной смерти многих людей». Слово сохранилось в классической татарской литературе вплоть до начала XX века. В рассматриваемом нами тексте оно также становится неотъемлемой частью тропа.

Здоровье – это главная ценность в жизни, оно занимает самую высокую ступень в иерархии потребностей человека. Здоровье – один из важнейших компонентов человеческого счастья и одно из ведущих условий успешного социального и экономического развития [5]. Этому мы находим подтверждение и в сказках «Тысяча и одна ночь». Понятие «здоровье» передается лексемой *sälamätlek*, композитами *sälamät bul-/qal-* и *syjxxät ul-*: “bärädäre bu ауа kitkändä zäyujf xäldä qalgan ide, imde sälamät bulyan” [8, с. 5] – «когда он уехал на охоту, его брат оставался слабым, сейчас уже выздоровел»; “Şahraman bärädäreneñ xälendän yujbrät alyb, sälamätlege kileb waqytu huş uldy” [Там же, с. 4] – «Шахраман, увидев положение брата, извлек себе урок, и здоровье его восстановилось, и время прошло приятно»; “ägär şahymyz bäne sälamät qaldyrsa” [Там же, с. 19] – «если наш царь оставит меня целым и невредимым (букв. – здоровым)»; “şah Junan tämam sälamät buldy” [Там же, с. 31] – «шах Юнан окончательно выздоровел»; “ul suny sibkäç dä ire sälamätlande” [Там же, с. 49] – «когда она брызнула в мужа этой водой, тот выздоровел»; “at syjxxät ulyb, tamaууна aşy, ujnuy başlady” [11, с. 206] – «конь выздоровел, начал есть и резвиться».

Для выражения болезненного состояния параллельно используются слова *awuğu, syghaw* и *xasta*: “berköp bu şah Junan, bursa awuğuна mubtalä ulub” [8, с. 31] – «однажды царь Юнан был поражен проказой»; “uylumyzdyr keçkenä qaty awuğu tide, any tabibqa alyb baramyz dijärmez” [Там же, с. 129] – «скажем, что наш маленький сыночек сильно заболел, несем его к врачу»; “ägär awuğuyn äitsäñez, bälki däwasyn tabarğa xezmät idärem” [Там же, с. 136] – «если скажете название болезни, то я окажу услугу найти лекарство»; “bu häkim syghawuуyздan däwa bireb tergezde” [Там же, с. 35] – «целитель вылечил вас от болезни при помощи лекарства»; “äj qardäšem, bänem janyma kilgännän birlе qajuууыз artub syghauууыз köçäjde” [Там же, с. 12] – «о, мой брат, с тех пор, как вы ко мне приехали, печаль ваша увеличилась и болезнь усилилась»; “bu köndä diwanalyq xastasy ilä mubtalä uldy” [11, с. 9] – «сегодня его настигло слабоумие»; “bu jortda toryan adäm jä ber atna, jä ike atna toryb, bäyda qapudan jä xastä xalendä jä ülese çууар” [10, с. 171] – «в этом доме человек может прожить неделю или две, потом выносят его оттуда или больным, или мертвым»; “bu xastalyq nidän buldy?” [8, с. 129] – «что стало причиной этой болезни?»; “äj ğanym, sin išetkäneñ jukdyr, bän išetdem: sineñ anañ xastä dijeb” [10, с. 174] – «о, дорогая, ты, наверно, не знаешь, я слышал: твоя мама заболела»; “bu atlaryñ berse bügen xasta bulyb” [11, с. 206] – «один из этих коней сегодня захворал»; “ber jyl Märjam xasta bulyb jatqaç, näzer äjtde” [Там же, с. 199] – «после того, как Марьям целый год болела, он дал обет»; “jeget sabur idärgä qadir bulmaj, xasta bulyb tüşäkkä jatyb” [10, с. 147] – «парень, не в состоянии терпеть, заболел и лег в постель». Все три варианта функционируют в языке и сегодня.

Анализ лексики, связанной с жизнью и смертью, со здоровьем и болезнями человека, показывает, что функционирующие в татарском языке варианты используются для констатации факта рождения, смерти, гибели,

болезни, выздоровления человека. Обращение же параллельно с ними к заимствованиям участвует в создании тропов – для усиления литературности или стилизации под народные сказки.

Также нашли отражение в сказках гедонистические ценности и антиценности, связанные со счастьем и несчастьем человека. Счастье – главная мечта любого человека. Каждый понимает счастье по-своему и ищет пути, как обрести его. В сказках «Тысяча и одна ночь» счастливый человек отличается внешностью, он всегда красив и ухожен: “üze xamämdän çuqmuş jaxşy kijemlär kimeş, jöze aj kebi nurlanğan xälendä janyma kildekdä” [8, с. 132] – «он подошел ко мне после бани, был одет в красивую одежду, лицо сияло как луна».

Для выражения счастья в текстах сказок используются термины säyadät и bähët: “bu säyadät aña qajdan kilde” [10, с. 204] – «такое счастье откуда ему пришло»; “bähete üzenekendän häm quzynuqundan kuätle ideken beleb bu xälne häm bu jegetne quzy Zäjnäbkä äjtde” [11, с. 23] – «узнав о том, что его счастье больше, чем её счастье и счастье её дочери, она рассказала об этом парне и о происшествии своей дочери Зейнаб»; “aнуq bähete barduğ häjer ilä kilsen dib” [Там же, с. 206] – «сказала: он счастливый (человек), пусть вернется благополучно». В татарском языке лексемы säyadät и bähët до середины XX века использовались параллельно, а в современном языке слово «сәғадәт» считается историзмом. Интересен тот факт, что вариант säyadät применяется в тексте татарского перевода в переносном, а слово bähët – в прямом значении.

Особый интерес вызывает факт трансформации семантики антиценности «несчастье». В современном татарском языке, в общественном сознании несчастье связывается с горестным событием, обрушившимся на человека бедствием. В татарском переводе оно выражено через одиночество и сиротство человека: “bazarlardan ütkän waqytda jalyyz jörer jalyyz öjdä bulsa jaıymur kebi küz jäşen qojar däxi” [8, с. 142] – «он в одиночестве ходил мимо рынков, если дома останется один, то от печали его слезы лились словно дождь». Формула «несчастный человек – одинокий человек», по нашему мнению, указывает на ментальные особенности мусульман, восточных народов, для которых наличие большой семьи, крепкого рода считалось основой счастливой и благополучной жизни.

Понятие «несчастный» передается также при помощи лексемы biçara: “biçara ğarijä xuşsyx bulyb töşde” [Там же, с. 40] – «несчастливая рабыня упала без сознания»; “biçara kätib qyb quzyl sufjy ikän” [Там же, с. 132] – «несчастный писарь оказался настоящим аскетом».

Нравственно-этические ценность и антиценность «правда – ложь» выражены в сказках в эксплицитной форме, как незначительные явления: “bu jegetneñ süzläre rastmy?” [Там же, с. 176] – «слова этого парня соответствуют ли правде?»; “isme äzäm хаqu öçen tuğry ğawab bir xilaf ğawabdan saqlan” [Там же, с. 29] – «ради Всевышнего дай правдивый ответ, берегись неправды»; “sineñ süzeñ rast” [Там же, с. 35] – «твои слова соответствуют правде».

Антиценность «ложь» передается при помощи лексемы jalıyan и глагола alda-: “sineñ barça süzlären jalıandyğ” [11, с. 133] – «все твои слова – ложь, наверное»; “sin jalıyançy buluğya kiräk” [8, с. 29] – «ты, кажется, обманываешь»; “bän any tiz aldab jibäremen” [10, с. 162] – «я его обманом быстро отправлю обратно»; “siña küb häjlä mäkerlär idär aldanma” [Там же, с. 199] – «тебя она подвергнет хитростям и коварствам, не дай себя обмануть»; “wäli hatyny aldanyb ser qapusyndan ozatdy” [11, с. 11] – «жена правителя поддалась её обману и проводила её через тайные ворота».

Иногда персонажи сказок становятся обманутыми из-за своей глупости: “ğaräb axmaqlıyundan дәлilänеñ häjläsenä aldanyb, Dәlilänе çişeb, üze qarçuğ urıynuna beneb qaldy” [Там же, с. 13] – «араб, из-за глупости, поддался обману Далилы, освободил её и сам поднялся на её место».

Обман встречается в сюжетах 68,7% сказок. Причем в большинстве случаев (36,8%) он имеет позитивный характер. Здесь явно прослеживается восхищение ловкими проделками и умелыми плутнями, восторг от находчивых, остроумных ответов, пристрастие к комическому [6].

Эмоционально-утилитарная ценность «смех» передается глаголом köl- и формой kölmägä başla-: “bunlar ber bersendän köleşeb jortlaryna kitdelär” [10, с. 164] – «они, смеясь друг над другом, отправились по домам»; “bunlar süzendän köleb äjtdelär” [Там же, с. 168] – «они, смеясь над его словами, сказали...»; “Xasän Şuman bezne kürsä, bezdän köleb mäxärä idär” [11, с. 16] – «Хасан Шуман, увидев нас, будет смеяться и издеваться над нами»; “qyz kölmägä başlab, bu ni eşlär kämçät öçen insan katil idelerme” [8, с. 126] – «девушка начала смеяться и сказала: что за дела, из-за приправы разве убивают человека?».

Нередко в сказках герои проливают слезы. В текстах перевода для передачи антиценности «плач» служат глаголы juğla-, ğyla- и ayla-: “ah-wah dijeb juğlamağa başladı” [11, с. 5] – «охая и ахая, начал плакать...»; “Ğaudär juğlab mağarasyn söjläde” [10, с. 207] – «Джаудар в слезах рассказал про свое приключение...»; “Zul Mäkän bu xafaly süzlärne işedkäch juğlamağa başladı” [9, с. 19] – «Зул-Макан, услышав эти страшные слова, начал плакать...»; “ber qojma bujynda ğajät xäsänä ber matur qyz juğlab utyra” [10, с. 138] – «возле забора сидит красивая девушка и плачет...»; “bala änkäsen kürdekdä julyjdyğ” [11, с. 7] – «ребенок, увидев мать, начинает плакать...»; “bik qaty awaz ilä kuçquğyb ğylab tujlarny mäjet çuqan öj kebi qyldy” [Там же, с. 8] – «она громко начала плакать, как будто свадьба превратилась в похоронную процессию»; “kärwan kitkäch kürmü qaldym dib ayladı” [8, с. 34] – «плакала о том, что караван уехал, а она не заметила...»; “bäña zur häsrät dib aylab qaldy” [Там же, с. 47] – «плакала по своему большому горю, которое настигло её...».

Материально-утилитарные ценности и антиценности выражены лексемами: baj, maly küb, ğani – «богатый» / fäqujğ – «бедный»: “ber xuş hollyqly küb jaxşy ber baj bar ide” [10, с. 135] – «жил-был очень приличный с хорошим нравом богатый человек»; “Çin Maçin dijärendä ber baj maly küb tegüçe bar ide” [8, с. 127] – «в Индокитае жил-был богатый портной»; “bäne sawytdan çuğar, ber zarar itmäm, küb mal ilän ğani idärem” [Там же, с. 29] – «выпусти меня из сосуда, я тебе не причиню зла, сделаю тебя богатым»; “insannuğ fäqujğ bulıyan xäläte qojaş bulıyan

waqytda sarğajyb nursyz bulduyyu kebi” [Там же, с. 142] – «состояние обедневшего человека подобно солнцу во время заката»; “fäqyrlekä mobtalä bulyan kemsä... joqysyzlyq xalätennän güjä yarib kebi” [Там же] – «человек, страдающий от бедности... из-за бессонницы подобен человеку с физическими недостатками».

Что касается частной собственности, то в тексте наблюдается следующая картина: главный герой является богатым в 62,5% сказок, а бедным – в 37,5%. К богатству в сказках, несмотря на его преобладание над бедностью, отношение достаточное спокойное [6].

Герои сказок сборника «Тысяча и одна ночь», попадая в реальные и нереальные ситуации, переживают различные эмоциональные состояния: они смеются, плачут, радуются, волнуются и т.д. Среди этих переживаний особое значение придается радости: радость и горе по своему значению приближаются к семантике добра и зла. И наоборот: «правда – ложь» выражены в сказках в эксплицитной форме, как незначительные явления, встречающиеся редко.

Итак, анализ лексики, связанной с жизнью и смертью, со здоровьем и болезнями человека, показывает, что в данном случае термины не выражают ценностей: слова, преимущественно тюрко-татарского происхождения, используются для констатации факта рождения, смерти, гибели, болезни, выздоровления человека. Нечастое обращение к арабо-персидским заимствованиям может быть истолковано как стилизация под татарские народные сказки. В рассматриваемом нами татарском переводе сказок «Тысяча и одна ночь» подобные заимствования становятся неотъемлемой частью тропов, придавая текстам литературность.

В татарском переводе арабских сказок «Тысяча и одна ночь», как и в оригинале, особое внимание уделяется интеллектуально-когнитивной ценности, отражающей понятия ума, интеллекта, разума, рассудка, образованности, а её антиценность выражается не грубыми словами, а описательно: потерять разум, неразумно.

В исследуемых татарских переводах получили отражение и такие ценности и антиценности, как витальные: жизнь – смерть; здоровье – болезнь; при этом смерть передается разнообразными лексемами, в том числе и как убийство; здоровье – через выздоровление.

Гедонистическая ценность «счастье» передается двумя лексемами (современной и устаревшей), а антиценность «несчастье» – нередко опосредованно: через понятия одиночества, сиротства, что отражает восточную ментальность (иметь большую семью).

Нравственно-этическая ценность и её антиценность (правда – ложь) отражены в переводах не только лексемами, но и через описание ловких поступков, связанных с обманом.

Представления о материальных ценностях и антиценностях в анализируемом источнике и его переводах складываются и по количеству примеров: предпочтение отдается богатству, а бедность изображена большей частью метафорически.

Эмоционально-утилитарная ценность и антиценность (смех– плач) связаны с семантикой добра и зла.

Список источников

1. **Арабско-русский словарь.** М.: Русский язык, 1985. 944 с.
2. **Байрамова Л. К.** Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарь ценностей и антиценностей. Казань: Центр инновационных технологий, 2011. 360 с.
3. **Ганиева Р. К.** Традиции Восточного Ренессанса в тюркских литературах Средневековья и Нового времени. Казань: ФЭН, 2014. 271 с.
4. **Гарәпчә – татарча – русча алынмалар сүзлеге:** в 2-х т. Казан: Иман, 1993. Т. I. 5-448 б.; Т. II. 449-854 б.
5. **Здоровье – один из важнейших компонентов человеческого счастья** [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2014/02/11/zdorove-odin-iz-vazhneyshikh-komponentov> (дата обращения: 10.10.2018).
6. **Липатова И. А., Назарова А. И.** Сказки «Тысяча и одна ночь» как источник по истории ментальности Востока [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/skazki-tysyacha-i-odna-noch-kak-istochnik-po-istorii-mentalnosti-vostoka> (дата обращения: 18.07.2018).
7. **Татарско-русский словарь** / под ред. Ф. А. Ганиева. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 488 с.
8. 1897. جزء 1، قازان، الف ليلة و ليلة (Тысяча и одна ночь: в 6-ти т.). Казань: Наследники Шамсутдина Хусаинова, 1897. Т. 1. 294 с.
9. 1898. جزء 2، قازان، الف ليلة و ليلة (Тысяча и одна ночь: в 6-ти т.). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898. Т. 2. 160 с.
10. 1899. جزء 4، قازان، الف ليلة و ليلة (Тысяча и одна ночь: в 6-ти т.). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1899. Т. 4. 318 с.
11. 1899. جزء 5، قازان، الف ليلة و ليلة (Тысяча и одна ночь: в 6-ти т.). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1899. Т. 5. 372 с.

VALUE CATEGORIES IN THE TATAR TRANSLATION OF “ONE THOUSAND AND ONE NIGHTS” TALES

Gilemshin Fler Footovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
Fler.Gilemshin@yandex.ru

The article is devoted to analysing the vocabulary of the Tatar translation of “One Thousand and One Nights” tales. From the axiological viewpoint the author describes six of the ten conventional values and anti-values, analyses the vocabulary expressing intellectual-cognitive, vital, hedonistic, moral and ethical, emotional-utilitarian and material-utilitarian values and anti-values. Special attention is paid to the value “mind, intellect”, the dyad “joy – grief” semantically associated with good and evil and the dyad “truth – falsehood” as insignificant phenomena, which are rare and expressed explicitly.

Key words and phrases: value; anti-value; axiology; value category; Arabic-Persian loanwords; trope.